ваго тома, сколько путемъ возвращенія къ обычнымъ представленіямъ буржуазной политической экономіи, хотя, можетъ быть, и съ предпочтеніемъ классическаго типа ея, завѣщаннаго Адамомъ Смитомъ и Рикардо. Вѣдь вотъ, дѣйствительно, что поражало своей силой, красотой и гармоніей, словно античное тѣло, въ первомъ томѣ, такъ это теорія прибавочной стоимости. Но, увы! къ этому прекрасному тѣлу въ третьемъ томѣ придѣланъ — простите мнѣ это выраженіе старика Горація — придѣланъ «рыбій хвостъ». —

Desinit in piscem mulier formosa superne.

Въ самомъ дѣлѣ, въ первомъ томѣ Марксъ обѣщалъ намъ, между прочимъ, разъяснить своими послѣдующими изысканіями и путемъ введенія «еще многихъ промежуточныхъ членовъ», какимъ образомъ примиряются кажущіяся фактическія противорѣчія равенства прибылей равныхъ капиталовъ въ различныхъ отрасляхъ производства съ неравенствомъ нормы прибавочной стоимости равныхъ же, но не равно расчлененныхъ на постоянную и перемѣнную часть капиталовъ. Марксъ обѣщалъ показать, какъ на этомъ пунктѣ «споткнулась» рикардіанская школа, и презрительно отзывается о «вульгарной экономіи», которая и здѣсь, какъ вездѣ и всегда, съ торжествомъ хватается за «видимости», чтобы отрицать самый «законъ явленія». Раскройте теперь въ третьемъ томѣ главы, относящіяся къ «превращенію нормы прибавочной стоимости въ норму прибыли» и къ «превращенію прибыли въ среднюю прибыль»: вы убѣдитесь, что при самомъ внимательномъ чтеніи вы не извлечете изъ нихъ указанія на обѣщанные «промежуточные члены» для рѣшенія задачи въ духѣ перваго тома. Ибо, когда на этотъ разъ Марксъ анализируетъ норму прибыли для различныхъ капиталовъ, то онъ лишь повторяетъ уже сказанное о нормѣ прибавочной стоимости. А когда переходитъ къ объясненію средней нормы прибыли, то просто-напросто апеллируетъ къ дѣйствію конкуренціи, которая, при помощи рыночныхъ цѣнъ, производитъ своеобразный дѣлежъ прибавочной стоимости и прибыли между капиталистами, разсма-

триваемыми на этотъ случай, какъ члены одного акціонернаго предпріятія; при чемъ, въ концѣ концовъ, каждая часть этого общаго капитала получитъ средній одинаковый процентъ прибыли, а не ту долю, какая ей должна была бы приходиться по техническимъ и пр. условіямъ частнаго предпріятія. Здѣсь, очевидно, мы возвращаемся къ дѣйствію иначе только формулированныхъ законовъ спроса и предложенія, тѣхъ самыхъ законовъ, за признаніе которыхъ «точкою опоры» при опредѣленіи рыночныхъ цѣнъ Марксъ иронически называетъ—въ первомъ томѣ—«господъ отъ вульгарной экономіи» ни болѣе, ни менѣе, какъ «Архимедами навыворотъ». Опять мы стоимъ лицомъ къ лицу съ вопросомъ, на почвѣ котораго возникаютъ сомнѣнія и колебанія даже у наиболѣе вѣрныхъ учениковъ Маркса.

Что касается до «кризиса» въ философской части марксизма, то здѣсь онъ проявляется рѣзче и разнообразнѣе, чѣмъ въ какомъ бы то ни было другомъ отдѣлѣ доктрины; и было бы излишне останавливаться на частныхъ иллюстраціяхъ: онѣ всѣмъ извѣстны и рѣжутъ, что называется, глаза. Куда дѣвался цѣльный характеръ того строгаго философскаго матеріализма, который проникалъ всю систему марксизма, считался обязательнымъ для каждаго ученика и за лицемѣрное затушевываніе котораго Энгельсъ такъ бичевалъ, напримѣръ, англійскихъ буржуазныхъ «агностиковъ!» Люди, которые продолжаютъ считать себя марксистами, сплошь и рядомъ отказываются именно отъ матеріализма въ философской области и ищутъ различныхъ источниковъ «умозрительнаго» вдохновенія: кто въ кантіанствѣ, кто въ нео-кантіанствѣ, кто въ эмпиріо-критицизмѣ, кто въ неопредѣленномъ эволюціонизмѣ, даже въ фихтеанствѣ, спинозизмѣ и чуть не нео-платонизмѣ. Съ другой стороны, исчезла и та вѣра въ могущество гегельянской діалектики, которую Марксъ и Энгельсъ сохранили, въ числѣ прочихъ умственныхъ привычекъ молодости, отъ періода увлеченія «философіей разумности» и довольно своеобразно вдвинули, несмотря на ея идеалистическое происхожденіе, въ свою строго матеріалистическую систему. Теперь приверженцевъ «діалектики» можно счесть по паль-